

УДК 140.8

DOI: 10.34670/AR.2026.85.56.002

Метафизическая возможность разума как дающая особый ход к универсальной рациональности

Глазьев Сергей Сергеевич

Аспирант,
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
119991, Российская Федерация, Москва, ул. Ленинские Горы, 1;
e-mail: mo@philos.msu.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается современная метафизическая философская проблематика, анализируются состояние философской дискуссии в отношении проблем метафизики, корреляционизма, разума, универсализма, рациональности. Отмечается высокая степень релятивизма и разобщённости современной философии, ведущая к великому множеству рациональностей, что представляет из себя значительную проблему для человечества. Такое положение дел в философии может рассматриваться как общая конфигурация рациональности современного человека. Рассматривая фундаментальные метафизические ограничения и возможности в условиях современного корреляционизма, предлагается рассмотрение возможности разума в качестве аксиологического принципа, который бы позволил не выводя достоверные гносео-онтологические основания для философии прийти к универсальной рациональности, который бы была достаточно убедительной для разрешения насущных общечеловеческих проблем. Отмечается отличающее онтологическое качество разума как состоящего в особом положении к Бытию и то, что даже если разумность человека им самим всегда ставится под глубокое сомнение, это не позволяет, однако, полностью эту возможность разумности отвергать, что неизбежно прокладывает определённый рационалистический путь, поскольку при обнаружении даже возможности разумности в её уникальности неизбежно ставит лицом к лицу с ответственностью за сбережение этой возможности.

Для цитирования в научных исследованиях

Глазьев С.С. Метафизическая возможность разума как дающая особый ход к универсальной рациональности // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. 2026. Том 15. № 2А. С. 15-22. DOI: 10.34670/AR.2026.85.56.002

Ключевые слова

Метафизика, корреляционизм, разум, универсализм, рациональность, универсальная рациональность, аксиология.

Введение

Люди по-разному относятся к существованию, как своему, так и других у этих отношений может быть бесчисленное множество причин. Разбираясь в них, выходит, что люди движимы обдуманым и необдуманым, практическими и высокими соображениями, что включает в себя традиции, чувства, эмоции, мнение, раздражение, веру, принципы, философию. Философия лишь малая часть этих движителей, и, как говорят многие, даже определяется ими. Философий великое множество, сколько философов, столько и философий, а, смотря шире, сколько людей, столько и философий - мало кто ни разу в жизни хоть раз не задумывался о какой-нибудь философской теме и нашёл в ней какое-то устраивающее его решение.

Такой великий разброд мотиваций и взглядов сам по себе заставляет тонуть, не находя свежего воздуха, словно каждый индивид в отдельности представляет из себя лабиринт или Вселенную, погружение в которую может занять неограниченное количество ограниченного времени. Найти что-то - это словно черпнуть море стаканом.

Современная философия в целом примерно отражает вышеописанную беспросветную хандру, почти все концепты глубоко релятивистичны по своей сути, в них мало общего, они редко ищут общее и уж тем более, не дай Бог, универсализм. Или же, современный универсализм некоторых современных всобъемлющих концептов - это универсализм бессодержательности.

Тем не менее, наш жизненный опыт говорит нам, что мы понимаем друг друга, взаимодействует друг с другом, строит города и целые империи, цивилизации. Существуют старые законы, говорящие нам, что правильно, а что нет, и, в большинстве своём, мы с ними соглашаемся - тем не менее, нельзя назвать это соглашение соглашением философским, философии здесь нет. Это своеобразный факт жизни, квинтэссенция человеческих соображений. Философия, до поры до времени, по крайней мере была не против подобных человеческих решений и даже долгое время была одним из центров их поддержки. Античная мораль шла рука об руку с философией. Сегодняшняя философия ушла куда-то очень далеко в сторону, современная рациональность - это рациональность полного расколичества и, одновременно, следующих из него злых, ядовитых осколков вроде тоталитарного технофеодализма (власть Google в США, описанная, например, профессором Р. Эпштейном, или тот же "национальный мессенджер Max") и разнообразных современных расчеловечивающих (какие-нибудь серьёзные азеркины) и перечеловечивающих ("советский народ" и его концептуальные наследники или современные реалии замещения коренных народов в европейских странах) проектов. Все они обладают изолированными, малодемонстрируемыми, но праксиологически гиперактивными рациональностями, стремительно перекраивающими нашу действительность.

Тем не менее, остаётся потребность в философии, причём философии весьма конкретной, а не размытой. Многие люди, идущие за ответами на собственно философские вопросы, оказываются весьма разочарованными её крайней разобщённостью, несогласованностью и ограниченностью и данное разочарование не стоит рассматривать утилитарно, что философия не выполняет свою социальную или даже государственную функцию, дело скорее в фундаментальном отсутствии фундамента чего бы то ни было сегодня.

В этом некоторая противоречивость человека - он с одной стороны очень своеволен, своеобразен и оригинален, а с другой у него порой возникает острейшая необходимость в чём-то однозначном, едином, взаимопонятном. И не то чтобы это являлось неким машинным циклическим, даже психическим процессом дифференцирования-интеграции, скорее речь идёт

о наличии в людях стремления Быть, Быть собой, но в то же время не Быть размазанными и, пожалуй в этом может не быть противоречия. Как бы люди не были "себе на уме", слова песни верны, "каждому-каждому в лучшее верится, но не у каждого есть противогаз". Понятие лучшего с одной стороны, конечно, глубоко субъективно, а с другой опять таки наводит на нечто единое для всех.

Можно даже сказать больше, что образ "рая" для людей весьма похож, так или иначе он связан не только с материальным достатком, каким-то коммунизмом, но и со встречей с некой истиной. Материальные блага без истины очень многим малопривлекательны.

На самом деле, "рай" нам уже примерно известен - это полнота существования, совершенная свобода, всезнание, всепонимание, вечность. Предельно сильная онтологическая позиция конечного существа. С другой стороны, человека как-то подначивает этот "рай" опрокинуть, сбросить, испепелить, дабы прийти к чему-то невиданно новому, принципиальному открытию, "новой земле" Ж. Делёза и Ф. Гваттари [Гваттари, Делёз, 2008, с. 207] - однако, с подлинным раем так, пожалуй не получится, так может получиться с каким-то фальшивым, не настоящим раем, но в настоящем раю каждый в своём всезнании должен будет найти то, что ищет, причём в облагороженной форме - может быть, то, что ищут люди, постоянное обнаружение, будет вести их всё дальше и дальше, пока все люди внезапно не окажутся в одной комнате.

Мы можем задать раю эти высокие великолепные признаки, но без конкретики это совершенно пустая оболочка. Более того, всегда можно объявить, что рая может и не быть, его будут настойчиво требовать к демонстрации со всеми удобствами. Тем не менее, возможность его наметить открывает некоторую перспективу человеческого развития.

Углубляясь в раеведение, нельзя не заметить, что, по большинству своему, рай согласуется с классическими представлениями о рациональном. Царство рая - царство разума, царство свободы воли, царство достоверности. Подлинное самодетерминированное существование, высшее над всеми другими возможными, содержащее наибольший онто-гносеологический потенциал.

Итак, пусть есть этот великий подлинный рай, и мы даже можем представить парадную дорогу, ведущую к нему, все рационалистические достижения, просвещение, великий творческий созидательный мысленный полёт разума, силу разумной воли - однако, дорога, ведущая к раю и даже встрече с Царём находится где-то очень далеко. Мы не на ней. Даже более того, мы не знаем, где она. Мы уже давно живём в какой-то дремучей, страшной, бесовской непролазной чаще со старыми, в основном мёртвыми, колючими и жёсткими, неприветливыми деревьями. Заблудились и запутались. Мы можем находить какие-то полянки у болот, на них обосновываться и даже как-то жить, но жизнь эта не в радость.

Может быть, есть какой-то путь назад из чащи? К некоей степи, простору, обозримости, возможности движения? Но голая пустая степь не лучше - там мы найдём только ничто. Мы зашли в чащу философии, потому, что в чаще нам лучше, чем на открытых ветрах, но идти через неё дальше нам как-то сложно. Как бы нам так и не остаться в чаще.

Однако, есть забытые, давно оставленные подземные гномьи ходы, ведущие на ту сторону. Ходы эти холодные, мрачные, каменные, однако, по ним всё-таки может пройти человек, если не может пробраться через чащу сам. Возможно, это один ход, в который вливаются многие другие. И речь идёт не о вере. Вера и разум находятся в сложных, можно сказать взаимно игнорирующих отношениях. То, что приятно для веры, не подходит разуму. Вера держится на откровении - разум же всегда откровение ставит под сомнение, разуму необходим ясный и понятный, надёжный путь. Вера в нашем поиске - это возвращение назад в степь.

Самостоятельное продвижение через чашу необходимо, только оно полностью подтвердит наше право на торжественное прохождение по парадной дороге на той стороне - однако, дабы не падать духом, всегда можно помнить и о спасительном потайном ходе, который, однако, никогда не удовлетворит нас полностью, как демонстрирующий нашу крайнюю ограниченность, но достаточно подходит для использования в крайних случаях - при этом, конечно, стоит признать, что со всем Хаосом сегодняшнего дня, каждый день можно интерпретировать в качестве крайнего случая.

Основная часть

Конечно, речь идёт о некоем возможном метафизическом основании, которое могло бы нас достаточно удовлетворить для того, чтобы его использовать для хоть-какого основания и ориентира в нашем существовании. "Лучше уж так, чем никак" - рациональ за очень многим в человеческой, особенно русской деятельности, но здесь мы попробуем всё-таки дать нечто большее, тем более, что установку на "не никак" ещё нужно саму обосновывать.

Метафизика безосновательна и этим она бесконечно непривлекательна, глубоко неприемлима и чужда современной философии - и так и должно быть, философия должна быть свободной от догматики, что особенно было подчёркнуто в работе Рассела, Венского кружка и позже [Филатов, 2024, с. 66-69], любая догматика автоматически перетяжеляет корабль философии и он идёт на дно к бесконечному множеству пре-постнеклассических философских проектов. Это создаёт впечатление, что метафизика должна абсолютно всегда отвергаться - что, на самом деле, как многие подмечают, само по себе является метафизической позицией. Получается, есть негативная метафизика и множество позитивных. Это множество позитивных в свою очередь неоднобразно, метафизики можно классифицировать, категоризировать, сравнивать, отдавать предпочтения. Критерии противопоставления метафизик, впрочем, сами по себе тоже будут некой метаметафизикой или, проще сказать, всё равно метафизикой. В общем, есть замкнутый круг метафизичности, подобный герменевтическому кругу Г. Гадамера, описанного ещё М. Хайдеггером [Гадамер, 1988, с. 317], и корреляционному кругу К. Мейясу, с возможным ходом выстраивания из последнего онтологии, основанной на основательности безосновательности [Мейясу, 2015, с. 74], однако, подобный внеметафизический онтологический ход всё равно может быть укорён в метафизичности, "последовательный корреляционист сам корреляционизм должен воспринимать корреляционно", как отметил В. Ю. Кузнецов в диспуте с П. А. Хановой, получив в ответ на это закономерный вопрос о том, чем тогда философия вообще может заниматься. О похожем, пусть и с другой стороны, высказывался и Р. Карнап [Карнап, 1959, с. 300].

Складывается ощущение, что любой философский шаг несёт в себе вес метафизики и нас ждёт прорубь, куда ни глянь, метафизика. Мягкая, антидогматичная антиметафизическая позиция составляет лейтмотив современной философии, а поиск в ней человека оказывается весьма непростым делом, доходя до подчёркивания безумия в качестве главной человеческой характеристики [Булгаров, 2023, с. 45-48] - однако с одной стороны, для безумия необходимо какое-то "разумие", а с другой, чем такие описываемые люди отличится от находящихся в броуновском движении мёртвых микрочастиц? Казалось бы, остаётся только последовать Пиррону: "Относительно вещей Тимон говорит, что Пиррон объявляет их все одинаково безразличными (*adiaphora/ἀδιάφορα*), неустойчивыми (*astathmēta/ἀστάθμητα*), неопределёнными (*anepikrita/ἀνεπίκριτα*); что поэтому ни ощущения наши, ни мнения не являются истинными или ложными

... По этой причине [а] надо не давать им [т. е. нашим ощущениям и мнениям] никакой веры, [b] но пребывать без мнений, безсклонностей, без колебаний [то в одну, то в другую сторону], [с] говоря о всякой вещи, что она не более есть, чем не есть, или что она вместе и есть и не есть, или что она ни есть, ни не есть» [Канто-Спербер (ред.), 2008, с. 513-515]. Пиррон, его возможные учителя-гимнософисты [Диоген Лаэртский, 1986, с. 352], и его многочисленное потомство невольно наталкивает на мысль "что же, нам так и умереть не сделав ни единого шага?". Эта мысль озадачивает. Настолько озадачивает, что может даже произвести отрезвляющий эффект. На самом деле, жить, сознательно не сделав ни одного шага это некое очень-очень медленное, тягучее самоубийство, и, как очень зряче увидел А. Камю, "Есть лишь один поистине серьезный философский вопрос - вопрос о самоубийстве" [Камю, 2014, с. 128]. Не только, как обнаружил Д. И. Дубровский, существует "феномен, названный мной "отрешённостью от себя", - когда теоретик, утверждая некоторое общее положение о психике, сознании, человеке, не относит его к самому себе ("забывает о себе", говорит уже как бы не от себя лично, а на правах некоего сверхличного субъекта). Такое часто встречается при обсуждении проблемы сознания и свободы воли" [Дубровский, 2017, с. 740], он имплицитно ведёт нас в загробный мир.

Самая прелесть последовательного релятивизма в том, что релятивист обязательно должен будет сказать, что "смерть не доказана" - такое, конечно прямо-таки очень обостряет проблему и приглашает смерть в комнату. Любопытно, что на самом деле релятивист не загнан в угол - он может оказаться прав. Беда только в том, что люди умирают. Или не беда, как другие отметят.

Смерть не доказана, разума может и не быть, такого разума, который был бы самостоятельным, свободным и обладал достоверным знанием - или всё-таки может быть? Позитивность корреляционизма как метасостояния современной философии - обратная сторона его негативности. Хотя корреляционизм стремится отвергать положительную метафизику, метафизику, приравнивающую людей к червям и статуям он тоже отвергает, играя роль золотой середины ничего толком, впрочем, не предлагая. Безусловно, грубое смешивание людей и животных это амбициозный метафизический шаг. Также, как нельзя доказать или опровергнуть солипсизм, нельзя доказать или опровергнуть бытие Бога или высокие качества человеческой души.

Получается, что в рамках того же корреляционизма разум может быть. Более того, метафизическое предположение, что разум может быть, здесь или в каком-нибудь недоступном для нас мире духов, уже само по себе имеет мощные следствия. Если разум в самом деле может быть, а с человеком обращаются так, словно это безвольная игрушка, вещь, неразумная груда органического материала, то это явная проблема. Если мы возможно разумны, то почему-бы и не относиться друг к другу как к [возможно] разумным?

Метафизический аксиологический принцип можно определить как "возможность самостоятельного, свободного разума, обладающего доступом к достаточной достоверности, чтобы на себя полагаться требует отношения к человеку как возможно обладающим таким разумом". Это и метафизическая возможность и, говоря современным языком корреляционистская, которая налагает на нас определённую ответственность друг к другу.

Скептик заметит, что возможность, похоже, и есть, но причём тут какие-то требования или, упаси Боже, ответственность? Далее, дана позитивная возможность, но есть и негативные, что люди это не просто животные, а например, исчадия ада. Также, не понятно, как следует относиться, к обладателю разума.

Возможный разум может в самом деле оказаться разумом и обладать особым хрупким и выдающимся Бытием, доступом к Бытию. Уничтожение подобного разума оставляет Бытие без сообитателя и его ограничивает, делает менее полным. Возможности, заложенные в разум

оромны, бесконечны и включают в себя как что либо позитивное, так и негативное. Иными словами, разрушая такой разум разрушается всё, в том числе само разрушение. Какова бы ни была мотивация у разрушителя разума, этого можно достичь без разрушения, а разрушение приведёт только к тотальной потере, которую без разрушения разум может не разрушаясь воспроизводить. Разум стоит в иной категории, чем камни, мышки, или бесы и бесконечно ценнее их. Возможная разумность перевешивает возможную бесовскость, а его существование содержит всё, что только может быть.

Мотивация разрушить разум, соответственно, может быть только неразумной, что позволяет сомневаться в возможной разумности разрушителя. Взаимная поддержка, забота возможных разумов друг о друге выступает в высшей степени разумной, основанием для универсальной рациональности.

Прекрасный образ может нарушить одна простая неприятная мысль: "а что, если мыши разумны, а мы нет?", как в романе Д. Адамса, или планета Земля, что возможно в ТИИ Дж. Тонони [Tononi, Koch, 2015, с. 10] или, к ужасу вегетарианцев, растения. Может быть, мы их просто не понимаем, а говорят они в каком-то недоступном для нас измерении или на непонятном языке? Проблема коммуникаций остаётся значительным осложнением в философии, но всегда имеет по крайней мере праксиологическое решение: будь мы и мыши разумными, мы бы смогли наладить взаимодействие, также как могут наладить взаимодействие две страны, говорящие на разных языках, но у нас с мышами такого взаимодействия нет, есть история съеденных амбаров и медицинских экспериментов. Не похоже, чтобы со стороны мышей была попытка так или иначе выйти на контакт - то, что стоит ожидать от возможно разумного существа. Онтологическая же проблема множества миров или измерений, если они нам в самом деле недоступны, не имеет решения. Если мышь - сосредоточение разума для другого измерения (что не противоречит принципу, обратное было бы дополнительной метафизической тяжестью), здесь мы бесильны. Это может быть и мышь, и пылинка, и стакан воды - рассмотрение их в качестве внеизмерительно разумных накладывает невозможные требования для уже установленного возможного разума. Стоит признать, что принцип устанавливает определённый критерий разумности, которому никто, кроме людей, по текущим данным, не удовлетворяет. Универсальность проявляется в универсальном выражаемом отношении к другим возможным разумам.

Заключение

Подобный принцип, не смотря на свою короткость и простоту может иметь серьёзные следствия. Наш век в самом деле может оказаться самым серьёзным испытанием для человечества. Количество информации беспрецедентно огромно и информация, не смотря на сдерживание, свободно обращается по планете, однако, становясь всё более и более бесхозной. Множество новых технологий, пока что, не используется с одной стороны достаточно полно, а с другой всё чаще обращается во вред людям. Современные технические возможности непропорциональны текущим человеческим способностям ни в их использовании, ни в их принципиальной разработке, ни в возможном темпе разработки, особенно способностям современной поздней стадии буржуазного общества. Сама перспектива всеускоряющегося технического прогресса захватывает, но процесс этот глубоко спорадичен, неорганизован, бездумен - одним словом, с точки зрения разрабатываемой здесь универсальной рациональности, иррационален, и иррациональность эта может в конечном счёте поставить человечество (или значительную, преимущественно "западную" его часть, включая Европу и в её числе Россию, чьи социальные и

демографические процессы не отличаются от таковых в западноевропейских странах, не смотря на увлекательные и популярные сегодня антиевропейские противопоставления) в положение, которое оно не предвидело, не хотело, и из которого ему уже будет очень не просто выбраться. Интенсивность цивилизационных угроз и возможностей беспрецедентна и необходимо вспомнить о простых истинах, требующих, однако, современную реализацию, что человек - это брат, а не раб или какое-то бельмо на глазу, что общественное народное благо должно быть настоящей, а не имитирующей общественной целью государственного аппарата в первую очередь для сбережения и развития народов его конституирующих, на основе взаимной заботы, в частности, между государствообразующим народом и государством, следование этой цели предполагает ответственность и требует достаточного уровня общественной справедливости, что технологии должны служить людям, а не наоборот. Государства, мыслящие подобным образом, с народным развитием на уме, скорее будут, как и люди, взаимно поддерживать друг друга, а не взаимно друг друга уничтожать. Главная черта современности - не открытое чурание "здорового смысла", того остатка разумения в народе, близкого к универсальной рациональности, а тихое, безмолвное заматывание его под коврик, при следовании неким своим вакхическим рациональностям. Тѣмже оубо ѿ плѣдъ ихъ познаете ихъ (Мф. 7:20).

Библиография

1. Булгаров А. И. Конец метафизики и мышление «после» // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2023. Т. 47. No 2. С. 33–49.
2. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Пер. с нем. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988.
3. Гваттари Ф., Делёз Ж. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения / Пер. с франц. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2008.
4. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Пер. с др. греч. М. Л. Гаспарова. М.: Мысль, 1986.
5. Дубровский Д. И. Проблема свободы воли и современная нейронаука // Журнал высшей нервной деятельности имени И.П. Павлова. Т. 67, № 6. 2017. С. 739-754.
- Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула / Пер. с франц. С. Великовского. М.: АСТ, 2014.
6. Камю А. Посторонний. Миф о Сизифе. Калигула / Пер. с франц. С. Великовского. М.: АСТ, 2014.
7. Канто-Спербер (ред.) М. Греческая философия. Т. II / Пер. с франц. В. П. Гайдамака. М.: Греко-латинский Кабинет Ю. А. Шичалина, 2008.
8. Карнап Р. Значение и необходимость. Исследование по семантике и модальной логике / Пер. с англ. Н. В. Воробьёва. М.: Издательство иностранной литературы, 1959.
9. Мейясу К. После конечности. Эссе о необходимости контингентности / Пер. с франц. Л. Медведевой. Екатеринбург: Кабинетный учёный, 2015.
10. Филатов В. П. Трудная борьба с метафизикой // Эпистемология и философия науки 2024. Т. 61. No 1. С. 61-71.
11. Tononi G, Koch C. Consciousness: here, there and everywhere? // Phil. Trans. R. Soc. B 370: 20140167, 2015. С. 1-10.

The Metaphysical Possibility of Reason as Providing a Special Path to Universal Rationality

Sergei S. Glaz'ev

Postgraduate Student,
Lomonosov Moscow State University,
119991, 1, Leninskie gory, Moscow, Russian Federation;
e-mail: mo@philos.msu.ru

Abstract

This article examines contemporary metaphysical philosophical issues, analyzing the state of philosophical discussion regarding the problems of metaphysics, correlationism, reason, universalism, and rationality. A high degree of relativism and fragmentation in contemporary philosophy is noted, leading to a great multiplicity of rationalities, which represents a significant problem for humanity. This state of affairs in philosophy can be viewed as a general configuration of rationality of modern man. Considering fundamental metaphysical limitations and possibilities in the context of contemporary correlationism, the article proposes considering the possibility of reason as an axiological principle that would allow, without deriving reliable epistemological-ontological foundations for philosophy, to arrive at a universal rationality sufficiently convincing for resolving pressing universal human problems. The distinct ontological quality of reason as occupying a special position in relation to Being is noted, and that even if human reasonableness is always profoundly doubted by man himself, this does not, however, allow one to completely reject this possibility of reasonableness, which inevitably paves a certain rationalist path, since the discovery of even the possibility of reasonableness in its uniqueness inevitably confronts one with responsibility for preserving this possibility.

For citation

Glaz'ev S.S. (2026) *Metafizicheskaya vozmozhnost' razuma kak dayushchaya osoby khod k universal'noy ratsional'nosti* [The Metaphysical Possibility of Reason as Providing a Special Path to Universal Rationality]. *Kontekst i refleksiya: filosofiya o mire i cheloveke* [Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being], 15 (2A), pp. 15-22. DOI: 10.34670/AR.2026.85.56.002

Keywords

Metaphysics, correlationism, reason, universalism, rationality, universal rationality, axiology.

References

1. Bulgarov A. I. Konec metafiziki i myshlenie «posle» // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya. 2023. T. 47. No 2. S. 33–49. (In Russ.).
2. Gadamer H.-G. Istina i metod: Osnovy filozovskoj germeneytiki / Per. s nem. B. N. Bessonova. M.: Progress, 1988. (In Russ.).
3. Gvattari F., Delyoz Zh. Anti-Edip: Kapitalizm i shizofreniya / Per. s franc. D. Kralechkina. Ekaterinburg: U-Faktoriya, 2008. (In Russ.).
4. Diogen Laertsij. O zhizni, ucheniyah i izrecheniyah znamenityh filozofov / Per. s dr. grech. M. L. Gasparova. M.: Mysl, 1986. (In Russ.).
5. Dubrovskij D. I. Problema svobody voli i sovremennaya nejronauka // Zhurnal vysshej nervnoj deyatel'nosti imeni I.P. Pavlova. T. 67, № 6. 2017. S. 739-754. (In Russ.).
6. Kamyu A. Postoronnij. Mif o Sizife. Kaligula / Per. s franc. S. Velikovskogo. M.: AST, 2014. (In Russ.).
7. Kanto-Sperber (red.) M. Grecheskaya filosofiya. T. II / Per. s franc. V. P. Gajdamaka. M.: Greko-latinskij Kabinet Yu. A. Shichalina, 2008. (In Russ.).
8. Kamap R. Znachenie i neobhodimost. Issledovanie po semantike i modalnoj logike / Per. s angl. N. V. Vorobyova. M.: Izdatel'stvo inostrannoj literatury, 1959. (In Russ.).
9. Mejyasu K. Posle konechnosti. Esse o neobhodimosti kontingentnosti / Per. s franc. L. Medvedevoj. Ekaterinburg: Kabinetnyj uchyonyj, 2015. (In Russ.).
10. Filatov V. P. Trudnaya borba s metafizikoj // Epistemologiya i filosofiya nauki 2024. T. 61. No 1. S. 61-71. (In Russ.).
11. Tononi G, Koch C. Consciousness: here, there and everywhere? // Phil. Trans. R. Soc. B 370: 20140167, 2015. C. 1-10.